

Октября 4 (17)

Священномученик
Тихон (Архангельский)
исповедница
Хиония (Архангельская)

Священномученик Тихон родился 30 мая 1875 года в селе Больше-Попово Воронежской губернии в семье священника Иоанна Архангельского. Родители умерли рано, и младших детей – Тихона и его сестру – воспитывали их двоюродная сестра Зинаида и ее муж Петр. В свое время они отдали Тихона учиться в Духовную семинарию, по окончании которой он женился на благочестивой девице Хионии. Она родилась 8 апреля 1883 года в селе Новый Копыл Воронежской губернии в семье священника Иоанна Дмитриева. Впоследствии у отца Тихона и Хионии Ивановны родилось восемнадцать детей; первая дочь родилась в 1901 году, а последняя – в 1923-м. Из всех детей выжили девять: шесть дочерей и трое сыновей, остальные умерли во младенчестве. Вскоре после венчания Тихон Иванович был рукоположен в сан священника ко храму в селе Троекурово Воронежской епархии, неподалеку от города Лебедянь.

Тихон Иванович Архангельский

Село Троекурово располагалось в живописном месте на берегу реки Красивая Меча неподалеку от женского монастыря, ныне разрушенного. Священнику выделили землю, и большая семья жила тем, что они получали от

занятий сельским хозяйством. Участок земли был не лучшим, засорен камнями, и пришлось приложить много труда, чтобы его очистить. На земле работали все старшие дети, что приучило их ко всякого рода труду и помогло впоследствии перенести обрушившиеся на них испытания.

Воспитанием детей занималась Хиония Ивановна. Она была женщиной глубоко религиозной и благочестивой и научила детей молиться и при всех трудностях обращаться к единому Богу. Во все большие и малые церковные праздники дети вместе с нею шли в церковь. Она приучила их поститься в соответствии с церковным уставом, а во время гонений в двадцатых годах эти посты зачастую перемежались с голодом, следствием нашедших на всю страну бедствий. В посты откладывалось чтение светских книг и читался лишь Закон Божий. Прочитанное дети рассказывали отцу или матери. Поскольку времени, свободного от работы, было немного, то рассказывали за работой – в огороде или в поле, за вязанием чулок или варежек.

*Священник Тихон с супругой Хионией Ивановной
и дочерьми Александрой (старшая, справа) и Юлией*

Отец Тихон был добросовестным и ревностным пастырем, он много молился и часто служил. Приветливый и отзывчивый на людское горе, он всегда

мог утешить пришедшего к нему с бедой человека. Отец Тихон был человеком решительным и твердым, и в его присутствии невозможно было выразиться грубо или непотребно – он всегда в этих случаях останавливал и делал замечание.

При всем том он был немногословен и сдержан. За безупречное и ревностное служение священник был возведен в сан протоиерея.

В 1928 году власти закрыли храм в селе Троекурово и решили записать священника в кулаки, чтобы затем раскулачить и отобрать все имущество. Но в сельсовете многие относились к отцу Тихону с большим уважением, и один из служащих сельсовета пришел к нему домой и сообщил, что задумали относительно священника власти.

– Чем мы будем ждать, когда придут и вышвырнут нас из дома, – сказала решительно Хиония Ивановна, – лучше сейчас собрать все необходимое и уехать на первое время в Лебедянь.

Отец Тихон с ней согласился. Они собрали самые необходимые вещи, запрягли лошадь в маленькие крестьянские сани, и тот же член сельсовета, который предупредил о раскулачивании, отвез их в город. Первое время они снимали угол на квартире, а затем маленькую комнату. Епископ Липецкий Уар (Шмарин) направил отца Тихона служить на приход, расположенный в трех километрах от Лебедяни; здесь он прослужил около года, а затем власти и здесь храм закрыли.

Протоиерей Тихон и Хиония Ивановна с детьми и внуком. Рядом с ними сидят Варвара и Владимир; стоят Вячеслав и Александра; на переднем плане Вера, внук Вячеслав Ястребов (сын Александры), младшая дочь Елена

Это было время, когда властями по всей стране была развернута кампания по закрытию храмов.

Епископ Уар направил священника в храм в селе Ильинском, но и здесь храм вскоре закрыли, и тогда епископ направил его в храм в селе Патриарши, где священник прослужил около года, а затем и здесь храм был закрыт. В Патриарши к отцу Тихону приехал посланец от прихода храма, расположенного в селе Куймань, и предложил ему пойти служить к ним. Получив благословение епископа Уара, отец Тихон переехал в Куймань. Это было большое село, населенное преимущественно благочестивыми и глубоко верующими крестьянами, так что храм во время служб всегда был полон молящихся. Отдельного дома здесь для священника уже не было, и отец Тихон снимал маленькую избушку в крестьянском дворе у Андрея и Елены Ждановых; между семьями крестьянина и священника сложились добрые христианские отношения, полные взаимной любви и мира. Здесь отец Тихон прослужил до ареста. Старшие дети разъехались, с родителями осталась жить только младшая дочь Елена, а в 1936 году после смерти мужа к ним переехала дочь Ирина, у которой было четверо маленьких детей.

День 9 августа 1937 года выдался теплым. Вся семья хозяев, священник, матушка и дети находились в доме, но по теплоте дня дверь на улицу была распахнута настежь. Вдруг около дома остановилась машина, из нее вышли люди в форме и направились к дому. Войдя, один из них сразу подошел к отцу Тихону и спросил:

– Оружие есть?

– Есть! – ответил священник. – Крест и молитва!

Сотрудники НКВД разбрелись по дому и стали переворачивать вещи. Один из них забрался за печь, вынул из своей кобуры пистолет и затем, выйдя из-за печи, показал его приехавшим вместе с ним военным и сказал:

– Вот его оружие!

Отца Тихона увели в легком летнем подряснике, не дав одеться и собраться.

После ареста священника прошло три дня, и Хиония Ивановна сказала дочери: «Ну, пойдешь ты, что ли, найди отца. Там милиционер живет, – и она объяснила дочери, где именно, – спроси его, куда они его дели». Дочь нашла милиционера и спросила его об отце.

– Ну что я могу сказать, – ответил тот, – я могу только одно сказать, что их увезли в Трубетчино.

Трубетчино было небольшим, расположенным в стороне от дорог, селом, которое на то время стало районным центром, здесь были сооружены временные тюремные бараки, и сюда со всего района свозили арестованных, здесь проходило краткое следствие, после которого заключенных увозили в Липецк.

Из Трубетчина отца Тихона перевели в тюрьму в городе Липецке. Во время допросов следователь требовал от священника признательных показаний:

– Свидетельскими показаниями вы достаточно уличены в антисоветской деятельности, проводимой среди населения села Куймань. Следствие требует от вас правдивых показаний.

– Да, я согласен с той формулировкой свидетелей, что в моем понимании коммунисты – люди неверующие, заблудившиеся, пропащие и ведут народ к гибели в будущей загробной жизни. Они должны познать Бога. На земле абсолютной правды нет, а правда есть только на небе.

– Вы высказывали террористические намерения по адресу партии и правительства?

– Террористических намерений я никогда не высказывал и не считаю себя в этом виновным.

– Расскажите о ваших преступных связях.

– Преступных и других каких-либо связей у меня нет.

Подобного рода допросы продолжались в течение двух месяцев. Следователь спрашивал, состоял ли священник в контрреволюционной организации, которую возглавлял епархиальный архиерей, и получал ли он от него задания по ведению контрреволюционной деятельности, на что отец Тихон отвечал категорическим отказом и несогласием.

– Показаниями свидетелей вы достаточно изобличаетесь в контрреволюционной деятельности, – продолжал настаивать следователь, – дайте о ней показания.

– Показания свидетелей я отрицаю, так как никакой контрреволюционной работы я не вел.

– Вы говорите неправду. Вам зачитываются показания свидетелей, из которых видно, что вы вели контрреволюционную агитацию, используя религию, как предрассудок, и высказывали террористические намерения против руководителей партии и советской власти.

– Все эти обвинения я отрицаю, а также отрицаю и показания свидетелей, как вымышленные.

– Расскажите о ваших контрреволюционных связях и об их характере! – потребовал следователь.

– Никаких контрреволюционных связей у меня нет, и не было, – ответил священник.

На этом допросы были окончены. 4 октября 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Тихона к расстрелу. Приговоренных к расстрелу казнили за окраиной города Липецка. Перед расстрелом сотрудник НКВД спросил отца Тихона:

– Не отречешься?

– Нет, не отрекусь! – ответил священник.

Протоиерей Тихон Архангельский был расстрелян 17 октября 1937 года и погребен в общей ныне неизвестной могиле.

Хиония Ивановна не оставляла попыток узнать об участи мужа и не ходила к местным властям, требуя от них ответа. Они отмалчивались, и она, как человек решительный и прямой, сделала им за это выговор. А выходя из сельсовета, сказала: «Мужа забрали, ничего от них невозможно добиться, это какое-то безобразие». Один из представителей властей однажды пригрозил:

– Смотрите! Вы слишком много болтаете! Мы и вас заберем!

– Вот и хорошо! – ответила Хиония Ивановна. – Заберите меня, пожалуйста, я там, может быть, с отцом Тихоном увижусь!

Вскоре после этого разговора Хиония Ивановна уехала в Москву к жившим там сестрам – посоветоваться, как жить и что делать дальше, и как продолжать хлопоты об отце Тихоне. В ее отсутствие в дом пришли представители сельсовета, и один из них спросил ее дочь Ирину:

– Где Хиония Ивановна?

– Ее сейчас здесь нет, – ответила Ирина. – Она уехала к сестрам в Москву.

Они, однако, стали демонстративно обыскивать дом в поисках хозяйки. Вскоре после этого приехала Хиония Ивановна, и ей рассказали об обыске.

– Надо собираться, – сказала она. – Я уже чувствую, что возьмут. А я прятаться ведь не буду. И уж раз вызывали, я сама лучше пойду к ним.

Она оделась; приготовившись к аресту, собрала необходимые вещи, и они вместе с дочерью Еленой пошли в сельсовет. Это был вечер 12 декабря 1937 года. Хиония Ивановна поздоровалась, назвала себя, а затем, напомнив, что они уже приходили за ней, спросила:

– В чем дело? Зачем я вам нужна?

– Оставайтесь. Вы тут останетесь, – сказали они ей.

Хиония Ивановна

И Хиония Ивановна попрощалась с дочерью. Всех арестованных отправляли в Трубетчино. Дочь, придя домой, собрала продукты, взяла бидон со святой водой и отправилась в Трубетчино, где встретила с матерью и все ей передала.

На допросе следователь спросил Хионию Ивановну:

– Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности, признаете себя виновной?

– В антисоветской деятельности виновной себя не признаю, – ответила она.

– Свидетельскими показаниями вы достаточно изобличаетесь в антисоветской деятельности, дайте правдивые показания.

– Свидетельские показания о своей антисоветской деятельности я отрицаю.

– Вы лжете, следствие требует от вас правдивых показаний.

– Я следствию даю только правдивые показания, никакой антисоветской деятельности я не проводила.

– Вам зачитываются показания свидетелей о вашей антисоветской деятельности, признаете себя виновной?

– Свидетельские показания о моей антисоветской деятельности я отрицаю.

Из тюрьмы Хиония Ивановна написала письмо детям, которое смогла писать лишь отрывками в течение нескольких дней, начав его до официальных

допросов и окончив после того, как следствие было завершено. «14/XII. Дорогие мои дети, – писала она, – вот три дня я в клетке, а думаю – вечность. Допроса форменного не было еще, но спросили, верю я в то, что Бог спас евреев, потопив фараона в море, я сказала, верю, и за это меня назвали троцкисткой, которых нужно уничтожать, как врагов советской власти. Теперь я на себе испытала, как слово Спасителя ни едино не пройдет не исполнено. Я в жизни своей имела всегда грех судить, других осуждала без всякого на то права, и вот теперь сама попала под суд, а если б никого не судила, была бы не судима. Была властна, все делала, как мне угодно, вот теперь лишили свободы, без разрешения и на двор не ходим, а терпим от раннего вечера до полного рассвета, что некоторым мучительно, поэтому приходится больше говеть и меньше есть и пить.

Дорогие мои, возьмите себе на память о мне хоть по маленькой вещичке из бедного моего имущества. Дорогой Володя просил карточку, дайте ему... и с птичками мою кружку, она у Веры в квартире, – Володе. Лене – швейную машину и чайную ложечку. Ируша, если ты не получила по квитанции деньги, то у Лены есть папины деньги, немного, тогда вместе их тратьте, а о нас с отцом не поспкупитесь, лампаду Господу жгите и молитесь, чтоб Господь меня и вас укрепил в Его святой вере. Не судите меня, но, прошу, простите и молитесь. Дорогого Мишу и Володю очень жалею, но если они женятся в такое трудное время, то еще больше жалею; но если не могут не жениться, то выбирайте жену с благословения Божия, а по-собачьи не сходитесь, можно благословение получить – знаете, как. Кому из вас папин крест на память, но не для поругания, дорогой Володя, бойся Бога прогневливать. Славу мне очень жаль, как он заблудился, откуда нет возврата, но для Бога ничего невозможного нет – Он разбойника спас во едином часе. Сподоби, Господи, заблудшихся детей моих спасти, Тебе же веси судьбами, Господи, молитвами Пречистыя Богородицы.

Дорогая Ируша, спеша деньги получить по колхозной справке и возьми из моего пальто стежку, отнесите с Леной к Прасковье Ивановне, и она с другой старушкой накроют тебе пальто твоим спорком. Лене к пальто нужно верх или весь новый, или подбавить к красному спорку, а лучше бы спорок красный – ребятам, а ей два метра купить без четверти, а сшить ей необходимо длинное пальто с воротником... но, в общем, спешите обе вы себе пальто поделать, в Лебедяни, я думаю, это сделать дешевле, и, думаю, они, то есть Прасковья Ивановна со старухой, не унесут у сирот и сделают тепло. Рясы папины – драповую Лене, а холодную пусть пока бережет – сгодится. А теплую стеганую рясу хотела я Фролушке на помин, а там как вы знаете, но что-нибудь ему необходимо дать. Ряса-то для вас всех кроме как вместо одеяла ни на что не годится.

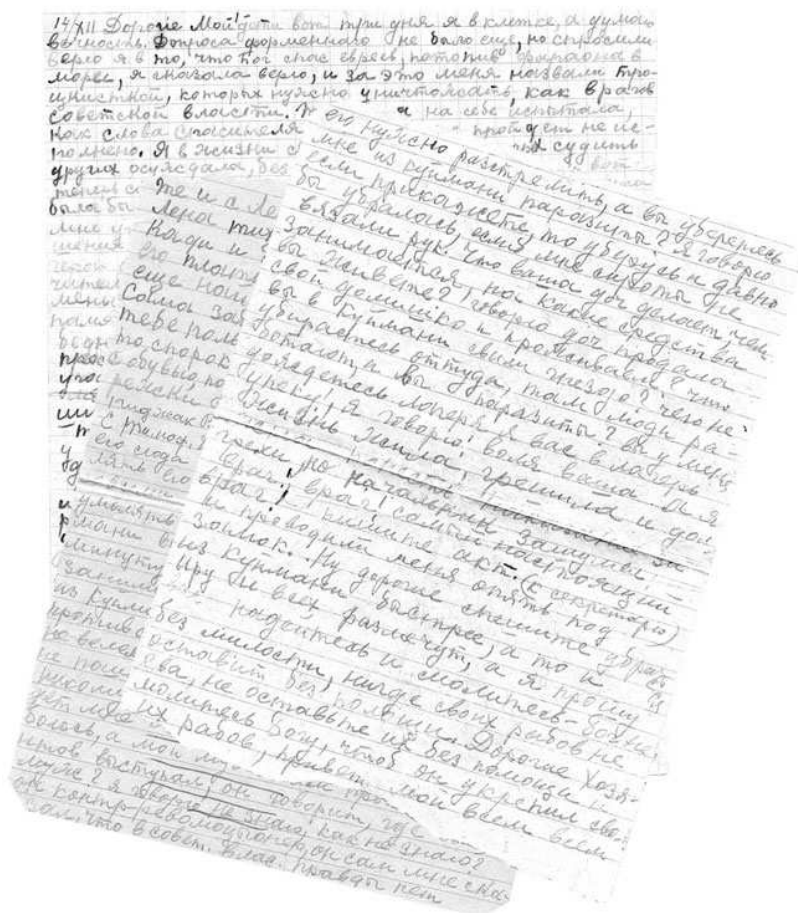
Ируша! С Тимофеем Ильичем необходимо нужно говорить о всех вас, и если тебя возьмут (т. е. арестуют. – И. Д.), то еще более о всех детях, возможно, его Господь умудрит с Его помощью устроить всех сирот у себя, вблизи теток и Шуры, а там как Господу угодно, да будет Его святая воля. Я думаю, вам с хозяевами в их избу перейти, в экономии топки, но жить вместе – не баловаться детям, чтоб хозяев не обидеть. Ира, ты свой самовар не бери у них, довольно вам одного, а в Липецке еще есть примус. Крест в корзине у Веры.

Ира, необходимо обе бурки вам спешить сшить, тебе и Лене, а кожу для них из папиных сапог, и серые валенки также подшить кожицей из голенищ, и тогда они в галоши хороши будут... Ира, уж очень в бурках удобно, делай для себя, но только потолще их настегать, теплее. Не продавайте обуви, вас много. Папины

валенки мне бы хотелось Володе на память. Ребятки пусть берегут свою обувь; детки, все башмаки блюдите в порядке. Коля, те ботиночки с галошами, дорогой, найди и рыбьим жиром намажь, они сохранятся дольше.

Милые ребятки, не шалите и с Леной дружны будьте, а ты, Лена, тихо, но учи их, а не обижай. С Тимофеем Ильичем непременно нужно видеться, или его сюда, или к нему нужно доехать и умолять его приютить вас у себя; и с Асей и со всеми родными говорить необходимо и умолять их вас у Тимофея устроить, а в Куймани жить вам не дадут ни минуты.

Сию минуту меня допрашивали, чем я занимаюсь в Куймани. Вы уберетесь ли из Куймани? Вы агитацией занимаетесь против советской власти, как ваш муж, вы сектанты, не велели Ждановой идти в колхоз, и она не пошла. Я говорю, что это все ложь, никому я этого не говорила, пусть будет мне очная ставка, я лжи не боюсь, а мой муж сам против сектантов выступал. Он говорит, где ваш муж? Я говорю, не знаю. Как, не знаю? Он контрреволюционер, он сам мне сказал, что у советской власти правды нет, его нужно расстрелять; а вы уберетесь из Куймани, паразиты?

Письмо Хионии Ивановны из тюрьмы

Я говорю, если прикажете, то уберусь, и давно бы убралась, если бы мне сироты¹ не вязали рук. Что ваша дочь делает, чем занимается, на какие средства вы живете? Я говорю, дочь продала свой домишко и проживаем его. Что вы в Куймани свили гнездо? Чего не убираетесь оттуда, там люди работают, а вы паразиты? Вы у меня дождетесь лагеря, я вас в лагерь упеку. Я говорю: воля ваша. А я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи. Но

начальник зашумел: враг! враг! самый настоящий враг! пишите акт (к секретарю). И проводили меня опять под замок.

Ну, дорогие, спешите убраться из Куймани быстрее, а то и Иру и всех размечут, а я прошу вас, надейтесь и молитесь – Бог не без милости, нигде Своих рабов не оставит без помощи, и молитесь Богу, чтоб Он укрепил Своих рабов, привет мой всем, всем и спасибо вам за ваши труды. Простите меня. Храни вас Господь и Его Пречистая Матерь.

Дорогая Варя! Как ты? Как твоё здоровье? Чего тебе на память, сама не знаю, возьми себе для халата дедушкин пояс, на отделку, и ещё чего найдешь. Не забывай Бога, ребенка окрести, если некому, то бабушка любая или сама, достань святой водицы, а самое лучшее, Софья Ивановна у себя сами окрестят – это и папа всегда говорил бабке делать, а не крещеного не оставь. Будь здорова, пекитесь вместе о всех детях и Лене, и о их выезде к Тимофею.

Вера! Принимай участие и ты. Судя по допросу, у начальника никакого материала не было, но он очень и очень строго шумел на меня. Я никогда ничего не говорила никому из крестьян про советскую власть, ну а ложь всегда может быть. Ну, будьте здоровы, ваша мать. Храни вас Господь»².

31 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила Хионию Ивановну к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Заключение она была отправлена отбывать в тюрьму в городе Шацке Рязанской области. 20 мая 1938 года тюремные врачи составили акт о состоянии ее здоровья и предложили освободить ее в соответствии с законом, так как обследование показало, что она не может обходиться без посторонней помощи. Однако уполномоченный НКВД потребовал не рассматривать вопрос о ее досрочном освобождении ввиду ее резких по отношению к советской власти высказываний.

Хиония Ивановна была освобождена в конце 1944 года после того, как стал очевиден смертельный исход болезни. Первое время она жила у дочери Юлии в Мичуринске, а когда приехала другая дочь, Вера, Хиония Ивановна попросила перевезти ее поближе к могилам родных. Они выехали в ненастный ноябрьский день и едва доехали, чудом перебравшись по гнилым настилам моста и едва не упав вместе с лошастью и повозкой в глубокий овраг. Хиония Ивановна поселилась возле села Тютчево в деревне Кривушке, где ее дочь Ирина купила за две пары галош небольшую избушку. Доехав до дома, Хиония Ивановна совсем разболелась и теперь почти не вставала с кровати, но, несмотря на это, она взялась подрабатывать шитьем. Давали ей за работу продукты, часть из них она отдавала дочерям, а часть оставляла на свои поминки, – и молилась, и заговливали все на свою смерть, чтобы по возможности никого не обременить. Последние недели перед смертью она вследствие болезни уже не принимала никакой пищи. Скончалась Хиония Ивановна в декабре. Похоронили ее на местном кладбище 22 декабря 1945 года.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской
Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5»

Тверь. 2001. С. 280-291

Библиография

Елена Тихоновна Архангельская, Вячеслав Владимирович Ястребов. Архангельская Вера Тихоновна. Воспоминания. Рукопись.

Архив УФСБ РФ по Липецкой обл. Арх. № 24441, № 17215.

Примечания

¹ Дети дочери Ирины – сыновья Николай, Михаил, Аркадий, Борис.

² Дети протоиерея Тихона и Хионии Ивановны Архангельских:

Александра (1901–1988); Юлия (1904–1981), во время ареста родителей жила на Дальнем Востоке, в письме не упоминается; Ирина (1905–1987); Михаил (1907–?), погиб в Великую Отечественную войну; Вячеслав (1911–1992), стал членом ВКП(б); Вера (1912–1992); Варвара (1914–2000); Владимир (1917–1973); Елена (род. в 1923 г.), живет в Рязанской области.

Также упоминаются в письме Хионии Ивановны: Тимофей Ильич Москвичев – друг семьи Архангельских, и ее сестры – Ася (Евпраксия Ивановна) и Ксения Ивановна Дмитриевы. Замуж сестры не выходили, жили вдвоем в Москве, занимая комнату в общей квартире. Обе работали учительницами, помогали семье Архангельских.